

ВАЛЕРИЙ БАРИНОВ: «ОРЁЛ – ГОРОД УДИВИТЕЛЬНЫЙ, С ПОТЯСАЮЩИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ»

Валерий Александрович Баринов родился 15 января 1946 года. Актер театра и кино. Народный артист России. Сыграл семьдесят ролей, после чего перестал их считать. Знаменитым он проснулся после картины "Агапэ", где сыграл маленького человека, ставшего жертвой наглого "хозяина" нынешней жизни. Популярность Баринова возросла после телесериала "Петербургские тайны", где он предстал в роли отпетого мерзавца Хлебонасущенского, купившего невинную девушку. В недавней работе — фильме "Дом для богатых" — Валерий Баринов создал неоднозначный характер реформатора, который хочет как лучше, но получается, естественно, как всегда. А на сцене Малого театра Валерий Александрович сыграл много ярких образов, в основном в пьесах Островского. "Я переиграл столько всяких подлецов и негодяев! Положительных героев у меня тоже не так уж мало, но они не столь яркие. Потому что отрицательные, как правило, драматургами выписываются ярче. Почему я специализируюсь в этом амплуа? Режиссеры привыкли ко мне в этой ипостаси. Один раз сыграл хорошо — и поехало!", — говорит актер. Кинокритики называют Валерия Баринова русским Жаном Габеном.

— И какая же роль вас "сгубила"?

— Влас в фильме "Строговы". Сутяга, мещанин. Про меня стали говорить "актер отрицательного обаяния". Играешь всякую мразь, а зрителю почему-то хочется такого человека понять и простить. Однако мне по душе актеры положительного обаяния, такие, как Валерий Носик, Юрий Васильев. Вот я даю интервью и поневоле стараюсь показать, какой я хороший. А коллегам, у которых я говорю, не надо было производить хорошее впечатление. По Юре Васильеву я проверял свои проступки: как он отреагирует? Но я, какого бы злодея ни играл, хотел, чтобы его понимали.

— Правда, что авторы и актеры в творчестве вытаскивают из глубин души то, что подавляют в жизни, — и становится легче?

— Не всегда. Иногда, если в фильме или спектакле кого-то убью, потом не могу заснуть. А я-то поубивал столько народу! Зарезал, задушил... Что ни роль — какой-то черный омут. Но, бывает, отыграешь — и словно очищаешься от черноты, глубоко в тебе сидящей, затаенной. Затаенное всегда интересно. За роль в фильме "Агапэ" я получил Гран-при на фестивале российского кино во Франции. Французы назвали меня русским Жаном Габеном. В театре очень смеялись. Например, сижу в буфете, пью кофе, задумавшись о чем-то, а мне говорят: "Габениш?". Но, если серьезно, Габен привлекал тайной. Вот он уходит от камеры, потом поворачивается и снова уходит. А зрителю опять хочется увидеть его лицо. Я много раз просматривал его фильмы, чтобы постичь тайну Габена.

— Когда вы решили стать актером, вероятно, обо всем этом не думали?

— Конечно. Я вышел на сцену в шесть лет в моей родной деревне в Орловской области — на смотре художественной самодеятельности. Читал стихи о поджигателях войны. Меня премировали огромным кулком шоколадных конфет. Это были первые шоколадные конфеты в моей жизни. И дали грамоту. На ней был нарисован дом с вывеской "Клуб". Это было мое первое в жизни слово, которое я прочитал. Я подумал: "Хорошо выступать в клубе, за

это еще и конфеты дают". Я еще и пел хорошо. Пою и сейчас. В фильме "Вишневым омут", в том же "Агапэ". В театре исполняю песню извозчика: "Как на речке было, на Фонтанке...". Когда мне было восемь, я впервые пришел в театр, как зритель. В Орловский драматический. Пьеса называ-

лась "Голос Америки". В ней были показаны американцы. Меня потрясли две вещи. То, что люди сидят, положив ноги на стол, а также огромное бутафорское дерево. У нас в Малом театре тоже предпочитают реалистические декорации, что меня в нем кроме всего прочего привлекает. Меня, ребенка, поразила еще и оркестровая яма. Я недоумевал, как же люди из нее вылезут, когда захотят пойти домой? Так началась моя любовь к театру. О кинематографе я не думал. В юности работал на заводе и в том же Орловском театре рабочим сцены. Когда в Орле открыли двухгодичную актерскую вечернюю студию, я стал там учиться и играть в масовке. Послал запрос в Школу студию МХАТа, однако считал: если останусь в Орловском театре, это будет пределом моих мечтаний. Орел — город удивительный, с потрясающими литературными традициями. Лесков, Тургенев, Бунин, Фет — они все оттуда, из этой русской лесостепи.

Потом учился в Москве в Щепкинском училище — там была настоящая семья, царило необыкновенно любовное отношение друг к другу. Когда ты приходил,

все радовались, что ты пришел, и ты радовался, что всех видишь. После училища меня оставляли в Малом, но мы с женой поехали поступать в Александринку. Проработал там почти семь лет. Играл я всегда много: и маленькие, и большие роли. Из больших — самая значительная для меня

— Сколько проиграли?

— Не скажу. Я человек увлекающийся. Много лет ходил на ипподром. Знал родословные всех лошадей! И вот странность: если выигрывал, то грустил — мол, мог бы выиграть больше. Если проигрывал, чувствовал себя бодрим: дескать, ничего, ничего, подумаешь, еще повоюем! Сейчас на это увлечение нет времени. Я страстный футбольный болельщик. Футбол — это моя вторая жизнь. Если все хорошо, но проиграла моя любимая команда "Локомотив", считаю — все плохо.

— Валерий Александрович, сейчас, когда многие в театре, снимаетесь в кино, на телевидении... В чем секрет вашей востребованности?

— Как это ни прозаично звучит, но именно в быстроте и качестве, которое я гарантирую в своей работе. Сейчас мы переживаем время, когда многое в искусстве диктуется безденежьем. Некогда искать таланты, нет возможности рисковать материально. В этом, на мой взгляд, колоссальная потеря нашего театра и кино. Театр редко пробует молодых режиссеров. А в кино, если раньше можно было снимать пять-шесть дублей, то сейчас пленки хватает только на один. Поэтому нужен артист, который все сделает за один дубль. Были у меня вводы и за сорок минут до начала спектакля. Во время гастролей Малого театра в Алма-Ате заболел артист, который играл в постановке "И аз воздам" довольно большую роль, а тут закрытые гастролей, ожидаются члены правительства, чуть ли не сам Назарбаев... И вот мне звонят: беда! Я сказал: если за двадцать минут самую большую сцену выучу — тогда сыграю, если нет — не обессудьте. Выучил. Пришла Люба, суфлер, спрашивает: вам подбрасывать реплики? Нет, говорю, Любочка, вы рвете пьесу и страницы с моим текстом складываете стопочкой. Потом я поставил за кулисами длинную лавку, разложил текст по сценкам. Сложилось так удачно, что перед каждым моим выходом у меня оставалось две-три минуты. А в сцене по три-четыре страницы текста. Отыграв, я прибежал к своей лавке, учил слова и снова выскакивал к зрителям. Забыл лишь одно слово. И даже не забыл, а пропустил. Просто в конце

— Он кажется вам слишком непостижимым?

— Да. Здесь особая аура, особая манера игры, особое состояние души. В Малом театре артиста больше волнует не то, что он говорит, а то, что с ним происходит. Текст он словно отдаает, отбрасывает от себя. Но при этом зрителю понятно и то, что он хочет сказать, и то, о чем он не хочет говорить.

— Вы азартный человек?

— Да, игрок по натуре. Недавно в Сочи, на фестивале "Кинотавр", проиграл в казино.

большого монолога должен был сказать слово "Тюильри" и почему-то испугался, что могу его неправильно произнести. Больше не было ни одной запинки. Как это происходит — сам не знаю.

— Вы в своей жизни сыграли множество отрицательных ролей. Это и тот же Хлебонасущенский в "Петербургских тайнах", и в Малом — Кучумов в "Бешеных деньгах", а вместе с тем в "Трудовом хлебе" играет положительного Карпелова, хорошего Савву в фильме "Агапэ". Кого вы больше любите играть: хороших или плохих?

— Честно говоря, я не верю в хороших и плохих людей. Хотите я вам расскажу, какой плохой Карпелов? Ну что это за человек! Вся жизнь прошатался, ничего толком не сделал. Никчемный бомж! Но именно этим он и хорош: ничего не нашил и к этому не стремился. Жил только добром, только любовью. У меня есть мечта: сыграть Карпелова так, чтобы сердце останавливалось...

— Что для вас настоящий театр?

— Мне очень нравятся и новые театры, и новые формы. Но настоящий театр я понимаю так: сидит в зале тысяча человек. А на сцену вышли двое. И разговаривают между собой. И те, которых тысяча, не могут от них оторвать глаз. Все остальное — от лукавого. Или вот недавно я слушал, как один режиссер, выступая по телевидению, долго рассуждал о том, что такое порнография, что можно показывать со сцены и с экрана, а что нельзя. И вспоминал, как много лет назад, когда я был студентом, на сцене Малого проходили гастроли итальянского театра — в спектакле Франко Дзефирелли "Волчица" главную роль играла Анна Маньяни. Ей было уже много лет, и по сюжету она была влюблена в своего зятя. Страстной любовью. Волосы закрывали ей глаза, на ней была белая блузка и черная юбка. Этой женщине было, как мне тогда казалось, неизмеримо много лет — за пятьдесят. Она ни разу не разделась, не сделала ни одного двусмысленного жеста, но меня, юношу, колотило от этой женщины, потому что ее страсть захлестывала зал. Вот настоящий театр!

— Вы снялись в двух сериалах: "Петербургские тайны" и "На ножах" по Лескову. Как вы относитесь к сериалам?

— К хорошим — хорошо. "Ножи" — очень хорошая, добротная работа. Это наша классика, и такие сериалы необходимы. "Петербургские тайны" — явление массовой культуры. Я редко встречал человека, который сказал бы, что он этого фильма не смотрел. Работал над ним с колоссальным удовольствием и, как говорят артисты, "на чистом сливочном масле". Материал там простой и доступный, но сыгран добросовестно, и автор по-настоящему владеет языком прошлого века. Наши сериалы нужны хотя бы для того, чтобы перебить "жвачку" мексиканских. Но ставить их дорого. Меня последнее время раздражает лозунг: "Народ устал от сложностей, ему надо что-нибудь попроще!" Нет, народ устал от простоты. От того, что душа бездействует. От того, что она не страдает, не кается. От этого народ устал. Народ хочет плакать и смеяться и хочет, чтобы в искусстве было как в жизни, сложно.

По материалам
информгентств.